

ПИСЬМО ФОНВИЗИНОЙ К ДОСТОЕВСКОМУ от 8 ноября 1853 года — это письмо-исповедь и письмо-утешение. Не как наставница в катехизисе, которая экзаменует подопечного, обращается она к Достоевскому, а как страдающая душа. Ответ Достоевского Фонвизиной — письмо-сострадание, опыт братской любви к сестре, нуждающейся в утешении. В переписке с Фонвизиной Достоевский — впервые в жизни — проходит настоящую школу сострадания, лучшего учителя веры, как понимал ее и апостол Павел. «Но будьте друг ко другу добры, сострадательны, прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас»²². Именно это свойство письма Достоевского ²² Еф. 4: 32. дает право полагаться на подлинность его чувства и искренность его веры.

Достоевский имел возможность оценить деликатность своей корреспондентки в проявлениях религиозного чувства: никакого парада, никаких деклараций, ничего напускного, ничего показного. «В начале каторги он думал, что она замучит его религией, будет заговаривать о Евангелии и навязывать ему книги. Но, к величайшему его удивлению, она ни разу не заговаривала об этом, ни разу даже не предложила ему Евангелия» (6; 422).

Он в вышеприведенной цитате — это Родион Раскольников, она — это Соня (в финале «Преступления и наказания»). «Под подушкой его лежало Евангелие. Он взял его машинально. Эта книга принадлежала ей, была та самая, из которой она читала ему о воскресении Лазаря. <...> Он сам попросил его у ней незадолго до своей болезни, и она молча принесла ему книгу. До сих пор он ее и не раскрывал. Он не раскрыл ее и теперь, но одна мысль промелькнула в нем: “Разве могут ее убеждения не быть теперь и моими убеждениями? Ее чувства, ее стремления, по крайней мере...”» (там же).

Так же было и с самим Достоевским. Когда зимой 1850 года Фонвизина вручала ему Евангелие, она (по свидетельству дочери писателя, знавшей семейное предание из уст родителей) просила внимательно просмотреть страницы. Однако набожная дарительница не отсылала несчастного узника к цитатам из Нового Завета. Она спрятала между склеенными страницами единственной дозволенной в остроге книги 25 рублей. Таков был изумительный почерк ее веры, точная человеческая формула участия в судьбе каторжника. Евангелие было единственной книгой в остроге, а 25 рублей — единственными деньгами, которые оказались у Достоевского в первый год его каторги, они и дали ему возможность выжить*.

Замечу, что именно это Евангелие Достоевский хранил всю свою жизнь. Именно это Евангелие всегда лежало перед ним на письменном столе, и «он часто, задумав или сомневаясь в чем-либо, открывал наудачу это Евангелие и

* См. «Они (жены декабристов. — Л. С.) передали моему отцу Библию, единственную книгу, разрешенную в тюрьме. Улучив момент, когда полицейский повернулся к ним спиной, одна из дам сказала моему отцу по-французски, что он должен хорошо просмотреть книгу, когда останется один. Между двумя склеенными страницами Библии Достоевский нашел 25-рублевую банкноту. На эти деньги отец смог купить немного белья, мыло и табак, несколько улучшить свою грубую пищу и раздобыть белый хлеб. За все годы, проведенные на каторге, у него не было других денег» (Л. Ф. Достоевская. Достоевский в изображении своей дочери. СПб., «Андреев и сыновья», 1992. С. 56—57).